

Глава 31. Скрытые угрозы

Весь Праздник весны Лу Чжаньбай самым беспардонным образом навязывался Ли Шэнъяню, наотрез отказываясь съезжать из его квартиры.

Шэнъяню ничего не оставалось, кроме как нянчиться с ним, словно с наследным принцем. Готовить, убирать, решать все бытовые мелочи — абсолютно всё пришлось взвалить на свои плечи. Осмотр в больнице показал, что у Чжаньбая всего лишь треснули два ребра да пострадали кости на обеих руках — ничего смертельного. Однако этот симулянт вел себя так, будто его расшибли до состояния вегетативного овоща. Он демонстративно отказывался шевелить пальцем, капризничал за столом, требовал, чтобы его переносили на руках и кормили с ложечки. Докатился до того, что Шэнъяню приходилось буквально на себе тащить его в офис, когда нужно было отлучиться по делам компании.

Вспоминая собственные былые раны и побои — когда он мог сутками валяться на обочине без чьей-либо помощи, а потом скрипел зубами и поднимался сам (и ведь такое случалось далеко не раз и не два), — Шэнъянь лишь обреченно качал головой. Ну почему он вечно дает слабину? А этому наглецу чертовски везет в жизни.

Чжаньбай тем временем всю наслаждался заботой экстра-класса. Он довольно ухмылялся, а чтобы Шэнъянь ненароком не расслаблялся, он то и дело устраивал капризы на пустом месте, требуя к себе повышенного внимания. Стоит признать, он оказался на редкость душевным парнем: если не доводить его до белого каления (тогда он, конечно, мог и рывкнуть), заботился он самоотверженно и чутко. Впервые в жизни Чжаньбай ощутил, что такое настоящий, теплый семейный очаг.

«Кому-то же достанется такое сокровище», — думал он с легкой завистью. С ним было так уютно и спокойно.

Но праздничные дни неумолимо таяли. Рабочие на фабрике Шэнъяня потихоньку возвращались с каникул, а значит, и лафе Чжаньбая приходил конец.

В один из дней ни свет ни заря на пороге объявился сияющий Лю Хао. Увидев Чжаньбая в квартире, он опешил, но, оценив его жалкий, перебинтованный вид, тут же покатился со смеху. Стал подначивать: неужто брат Ань так его разукрасил? Он прищурился и скорчил мученическую гримасу, отчего Хао-цзы расхохотался еще громче, приговаривая:

— Ну и судьба у тебя, парень! Против кармы не попрешь!

Появление этого оболтуса вывело Шэнъяня из себя. Он тут же обрушил на Хао-цзы лавину ругательств: где его черти носили, совесть есть вообще, и если этот придурок еще раз исчезнет без предупреждения, он лично переломает ему ноги. Лю Хао лишь заискивающе улыбался, так и сяк вымаливая прощение, а под конец вытащил кучу подарков, которые привез из Гонконга, чтобы задобрить разгневанного босса.

Чжаньбай, загоревшись внезапной идеей, предложил:

— Может, и нам как-нибудь скататься в Гонконг развлечься?

Шэнъань лишь хмыкнул в ответ:

— Меня гонконгские власти давно внесли в черный список. Дорога туда мне заказана до конца дней.

— Плевое дело, — рассмеялся Чжаньбай. — Считай, вопрос решен. Я все устрою так, что будешь мотаться туда-обратно, как на соседний рынок за зеленью.

Шэнъань не принял его хвастовство всерьез и просто отмахнулся.

Избавившись наконец от назойливого гостя, Шэнъань с головой ушел в работу. Наступил новый деловой год. Отдохнувшие за праздники сотрудники рвались в бой. И очень вовремя: от компании «Технологии Вершины инноваций» как раз поступила крупная партия свежих заказов. В офисе царил небывалое воодушевление.

На пятнадцатый день первого лунного месяца, ранним утром, Чжаньбай ворвался к нему взбудораженный и торжествующе швырнул на стол новенький документ вместе с удостоверением личности Шэнъаня, которое незаметно стянул у него несколько дней назад.

— Собирайся! Сегодня едем кутить в Гонконг!

Шэнъань озадаченно открыл книжечку. Это было настоящее, официальное разрешение на въезд в Гонконг, оформленное прямо на его имя. Без единого изъяна.

— Как тебе это удалось? — изумился Шэнъань.

— Свои каналы, — загадочно ухмыльнулся Чжаньбай. — Хватит разглядывать, давай собирайся, время поджигает. Знаю, что ты трудоголик, так что съездим всего на день, к вечеру уже вернемся.

Шэнъань замаялся, взвешивая все за и против, но в итоге уступил.

Весь день в Гонконге пролетел как в тумане. Толком ничего не посмотрели, зато накупили

столько вещей, что под конец пришлось упаковывать их в добрую дюжину огромных чемоданов. К тому же Чжаньбай со своими «недолеченными» травмами вел себя невыносимо: с утра до вечера он вис на Шэнъане, липнув к нему хуже банного листа.

К вечеру Шэнъань набрал номер Мэриан и предложил встретиться за ужином. Та пришла в полный восторг от его внезапного визита и тут же забронировала столик в одном из самых роскошных ресторанов в Цим-Ша-Цуй, объявив, что банкет за ее счет.

Мэриан и Чжаньбай метали друг в друга невидимые молнии и демонстративно игнорировали друг друга. Тем не менее, Мэриан сквозь зубы вынуждена была признать, что этот мажор не совсем бесполезен — как минимум, у него есть ресурсы, чтобы дать Шэнъаню то, что ей самой не под силу. Чжаньбай тоже неохотно отметил про себя, что у Мэриан есть харизма. Для женщины криминального мира она чертовски привлекательна и отлично умеет этим пользоваться. Стало понятно, почему Шэнъань в свое время едва не потерял из-за нее голову.

Стоило Чжаньбаю отлучиться в уборную, как Мэриан, понизив голос, поделилась новостями: в ее синдикате сейчас вовсю полыхает междоусобица, и у нее есть реальный шанс подмять под себя всю верхушку власти. Шэнъань знал, что она грезилась об этом троне годами, но все равно встревожился и тихо попросил ее не лезть на рожон и беречь себя. Мэриан в ответ спросила о его собственных планах и снова завела старую песню: мол, глупо упускать такой козырь, как влюбленный в него сынок влиятельного семейства. Шэнъань лишь горько усмехнулся, уходя от прямого ответа.

Сразу после прохождения таможенного контроля на обратном пути их уже ждал представительский автомобиль. Сгрузив многочисленный багаж на охрану, Чжаньбай без лишних слов утянул Шэнъаня на заднее сиденье и предвкушающе улыбнулся:

— Поехали, я хочу кое-что тебе показать.

— Куда это еще? Разве мы не домой? — удивленно спросил Шэнъань.

— Время детское, так что не ворчи и доверься мне, — отмахнулся Чжаньбай и велел водителю трогаться.

Машина затормозила у безлюдного побережья. Чжаньбай первым выскочил на песок и нетерпеливо потащил Шэнъаня за собой к кромке воды. Непроглядную ночную тьму прорезал лишь мерный, глухой рокот тяжелых волн, с шумом разбивавшихся о берег прямо у их ног.

— И зачем мы притащились сюда среди ночи? — Шэнъань поплотнее запахнул куртку от сырого ветра. — Тут же темень — хоть глаз выколи.

Чжаньбай лишь загадочно хмыкнул и громко хлопнул в ладоши.

В ту же секунду с шипением в черное небо взмыла яркая ракета. Оглушительный хлопок — и над их головами распустилось колоссальное, переливающееся всеми цветами радуги пламенное сердце. Оно озарило пляж неоновым светом, а затем медленно осыпалось угасающими искрами в темную воду. Фейерверк!

Следом за первым залпом один за другим начали взрываться новые снаряды, раскрашивая небосвод пылающими алыми и золотыми сердцами. Огненное безумие продолжалось без остановки добрых полчаса, пока последний мерцающий сполох не растворился в темноте, возвращая побережью его привычное ночное безмолвие.

— Ну как? — Чжаньбай повернулся к нему, светясь от гордости. — Давно не видел такой красоты? Я, признаться, тоже!

Зрелище и впрямь завораживало. Было в этих мимолетных вспышках нечто пронзительное, заставляющее сердце замереть. И все же Шэнъань прекрасно понимал, что устроенное шоу преследует вполне конкретную цель.

— К чему этот пафос? — ровным голосом спросил он. — Разве здесь вообще разрешено запускать пиротехнику?

— Праздники же, надо повеселиться! — рассмеялся Чжаньбай. — Обычным людям нельзя, а мне — в самый раз. Вообще-то я планировал запустить их еще в канун Нового года прямо у твоего бара, но тогда все пошло кувырком. Зато сейчас вышло даже душевнее. Атмосфера что надо.

Шэнъань промолчал, задумчиво разглядывая набегавшую пену.

— Ну скажи, тебе понравилось? — Чжаньбай, словно нетерпеливый ребенок, заглянул ему в глаза, ловя в них отражение далеких звезд.

— Красиво, — тихо отозвался Шэнъань после долгой паузы.

Чжаньбай расплылся в улыбке и по-хозяйски приобнял его за плечи. Они стояли плечом к плечу, вглядываясь в бескрайний накат волн.

— Слышал когда-нибудь такое выражение? — спросил Чжаньбай.

— Какое?

— Кто-то умный однажды сказал, что сильнее всего мы тоскуем по двум вещам, — неторопливо

заговорил Чжаньбай. — Первая — это то, что вспыхивает мгновенно, ослепляя своим величием, и так же быстро угасает навеки. Как этот фейерверк. Оно оставляет после себя лишь шлейф светлой грусти и недосказанности, заставляя вечно тосковать об утерянном миге.

— Пожалуй, так и есть, — негромко согласился Шэнъань.

— А вторая вещь — это то, к чему мы отчаянно стремимся всей душой, но никак не можем заполучить. Наша заветная, недостижимая мечта. И чем дальше она от нас, тем безумнее мы жаждем ею обладать.

— Тоже верно.

Они замолчали. Вокруг раскинулась бескрайняя черная пустота океана, уходящая за невидимый горизонт.

— Шэнъань, — нарушил тишину Чжаньбай. — О чем мечтаешь ты? По чему тоскует твоя душа?

— Я? — Шэнъань даже не повернул головы, словно спрашивая самого себя. Молчание затянулось, прежде чем он ответил: — У каждого из нас есть призраки прошлого и недостижимые цели, которые мы никак не можем отпустить. Я не исключение.

— И что же это? — не отставал Чжаньбай.

— Мои несбывшиеся надежды. Моя жизнь. Мое счастье, — тихо произнес Шэнъань. — Когда-то в юности я верил, что смогу свернуть горы, построить блестящую карьеру и прожить яркую, полную смысла жизнь. Мечтал встретить человека, с которым разделю этот путь до конца, создам крепкую семью. Но реальность распорядилась иначе. Ничего из этого я так и не обрел, и теперь мне остается лишь тосковать по упущенным возможностям.

— Понимаю, — Чжаньбай сочувственно сжал его плечо. — Ты ведь до сих пор хочешь все исправить. Вернуться на законный путь, сойти с кривой дорожки. Нынешнее существование тебя тяготит, ты рожден для большего — для честной, чистой работы, где смог бы раскрыть свой потенциал и принести пользу. Этого хотел твой отец, но в первую очередь — ты сам. Я прав?

— Да, ты прав, — глухо отозвался Шэнъань. — Раньше я только об этом и думал. Но жизнь коварна: оступившись однажды, ты ломаешь всю дальнейшую судьбу. И когда наконец решаешь повернуть назад, оказывается, что мосты сожжены, а ноги намертво увязли в трясине. Время упущено, люди изменились, а шансы безвозвратно утеряны. В этом вся трагедия нашего существования. Впрочем, даже не соверши я тех ошибок, нет никаких гарантий, что мечта бы сбылась. Пять лет в Шэньчжэне полностью избавили меня от иллюзий. Этот мир оказался гораздо суровее и грязнее, чем мне представлялось в юности. Человеческие таланты и благородство здесь никому не нужны. Все решают деньги, власть, влияние и право сильного. За внешним хаосом скрывается жесткая, безжалостная иерархия. В политике, в

бизнесе, даже среди уличных попрошаек — везде идет грызня за кусок пирога. Одни готовы идти по трупам ради наживы, другие зубами цепляются за то, что имеют. Никто не уступит ни пяди. Вот она, суровая реальность. Окружающие твердят, будто я слишком добр, но я-то знаю: моя «добродота» — всего лишь замаскированная слабость. И я без понятия, сколько еще смогу барахтаться в этом болоте.

— Значит, ты сдался? Опустил руки? — Чжаньбай заглянул ему в лицо, пытаясь уловить малейшее движение мысли. — Нет, врешь. Я же вижу, как горят твои глаза, когда ты берешься за дело. Твой дух не сломлен, а воля крепка как сталь. Ты просто не способен окончательно признать поражение.

— И что с того? — Шэнъань криво усмехнулся. — Наверное, мне просто нужно еще немного времени, чтобы окончательно избавиться от глупых надежд.

— Позволь мне помочь тебе! — Чжаньбай сжал его плечи с неожиданной, почти пугающей силой. В его голосе зазвенели стальные нотки. — Я сделаю все, что в моих силах. Брошу к твоим ногам любые ресурсы, любые связи, самого себя без остатка! Только не смей сдаваться. Слышишь? Я вытащу тебя на самый верх, и твоя жизнь засияет ярче любого фейерверка!

— С чего бы такая щедрость? — Шэнъань покачал головой, пряча за горькой улыбкой подступившее волнение. — Ради чего тебе так надрываться?

— Ради тебя! — без колебаний выпалил Чжаньбай. — Мне нужен только ты. Пообещай, что никогда не уйдешь, что будешь рядом — и весь мир станет твоим.

— Неужели твоя одержимость зашла так далеко? — тихо спросил Шэнъань, в упор глядя на собеседника.

— Да. Ты — моя главная мечта, моя единственная слабость и вся моя жизнь.

— Что ж... Я подумаю над твоим предложением.

— Правда? — Он безумно надеялся.

— Мечтать не вредно.

— Ну эй! Так да или нет? Не томи!

— Вернемся домой — там и пораскинешь мозгами, — Шэнъань развернулся и зашагал к машине, скрывая невольную улыбку.

«А впрочем... вспыхнуть на мгновение ярким пламенем — не самый худший финал».

<http://bllate.org/book/18227/1760652>